

Картина мира в философской лирике II половины XIX века

О.В. Попова

Мурманский институт экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики, кафедра гуманитарных и социальных наук

Аннотация. В работе рассматривается вопрос о том, как представлена картина мира в поэзии II половины XIX века, и показано, каким видят мир такие поэты этого периода, как Ф. Тютчев, А. Фет, А. Толстой, И. Никитин, Вл. Соловьев, В. Брюсов, К. Бальмонт. Сделан вывод, что философская поэзия воплотила совершенно особое восприятие мира, не укладывающееся в тесные рамки строгого логического познания. Силой художественного отображения и предчувствия философская поэзия проникает в глубь процессов, совершающихся во Вселенной.

Abstract. The paper considers how the picture of the world has been represented in the poetry of the II half of the XIX century. It has been shown how prominent poets of this period have seen the world. The conclusion has been made that the philosophical poetry has embodied completely special perception of the world. The philosophical poetry has being penetrated deep into the processes taking place in the universe with the help of artistic reflection and premonition.

1. Введение

Философия русской поэзии второй половины XIX века была живым, реальным и значительным фактом, оказавшим огромное влияние на развитие литературы того времени.

Русская философская поэзия как явление литературы глубоко исследована литературоведами (в монографиях Г. Филиппова, А. Павловского, Е. Маймина, а также в работах Ал. Михайлова, А. Урбана, Р. Спивак, М. Пьяных). Но философская поэзия не исследована как феномен истории философской мысли. А ведь почти все стихи поэтов второй половины XIX в. – Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Вл. Соловьева и др. – включают в себя относительно законченную концепцию мира и человека в нем. Несмотря на большое количество исследований, посвященных творчеству поэтов второй половины XIX в., очень мало работ посвящено философским аспектам поэзии. Поэтому нам представляется интересным и актуальным обратиться к философским проблемам, которые занимали умы русских поэтов того периода (*Гошевский, Закондырин, 1997*).

2. Философия природы в лирике Ф.И. Тютчева и А.А. Фета

Рассуждая о картине мира, выраженной в произведениях поэтов-философов, надо четко определить, что мы понимаем под понятием "картина мира". Итак, "картина мира" – это зрительный портрет мироздания, образно-понятийная копия Вселенной и места в ней человека. В русской философской поэзии второй половины XIX в. представлена особая картина мира. Этот период интересен тем, что деятели русской культуры начинают ощущать кризис своего времени. Прежде всего, это выражается в поэзии как самом субъективном виде творчества. Нужно отметить и тот факт, что в литературе в это время преобладают в основном прозаические произведения. Что касается поэзии, то она представлена крайне скупо, но именно в ней отразился дух эпохи, предчувствие надвигающейся катастрофы.

С середины XIX в. русская культура вступила в новый, сравнительно короткий, но чрезвычайно насыщенный литературными событиями этап. Переход от эпохи классической литературы к новому литературному времени отличался далеко не мирным характером общекультурной и внутрилитературной жизни, стремительной – по меркам XIX в. – сменой эстетических ориентиров, кардинальным обновлением литературных приемов. К концу XIX в. особенно динамично обновилась русская поэзия, вновь – после пушкинской эпохи – вышедшая на авансцену культурной жизни страны. Прежде всего картина мира воссоздается в лирике поэтов-пейзажистов. Поэзия не философствует о природе в системе понятийных категорий так, как это делает философия. Но вот что знаменательно: там, где философы излюбленным предметом своих размышлений избрали природу, как в древнее время Гераклит и Эмпедокл, в новое – Яков Беме, Шеллинг, их язык максимально приближался к поэтическому. Поэтому можно сказать, что поэзия, постигая сущность природных явлений, становится философской, а философия, постигая явленность природных сущностей, – поэтической (*Захаркин, 1975*).

Следует учесть и то, что традиционная натурфилософия, как она сложилась еще в греческой античности, оказалась в новое время наиболее спорным, быстро устаревающим разделом философии, и

это обусловлено стремительным прогрессом естественных наук. С середины XIX столетия, а именно этот период нас интересует, натурфилософия вообще прекращает свое существование.

Значит ли это, что отпала нужда в целостном духовном постижении природы, таинственность которой тем больше изумляет человека, чем могущественнее средства естественного научного знания? Нет, конечно. Но сферой постижения природы как целого вместо старой умозрительной натурфилософии все больше становится искусство, в частности, поэзия с ее особым, образным философизмом. По мере того как натурфилософия низвергалась со своего трона революционными науками о природе, возрастало значение медитативной, размышляющей лирики, которая отразилась в творчестве таких поэтов второй половины XIX в., как Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, Вл. Соловьев и др.

В философской лирике так или иначе воспроизводятся основные вопросы, которые извечно ставила перед собой всякая философия природы, прежде всего о родственности или враждебности природных начал человеку. Духовна ли природа изнутри, или она слепа в своем могуществе?

Русская философская лирика прошла несколько длительных этапов в постановке и разрешении этих проблем. В поэзии XVIII в. они трактовались однозначно: человек и природа порождены одной благой волей, одним мирообъемлющим разумом, и потому между ними не может быть никакого разлада. В поэзии открывается стройная картина безупречно организованного космоса. В поэзии первой половины XIX в. – Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, а особенно М.Ю. Лермонтова – отчетливо звучит тема неразрешимого разлада между человеком и природой. Поэзия второй половины XIX в. развивает и усиливает эти мотивы. То, что у Лермонтова выступает как эмоциональное состояние лирического "я", у Тютчева становится трагическим законом мироздания:

Невозмутимый строй во всем,	Откуда, как разлад возник?
Созвучье полное в природе, –	И отчего же в общем хоре
Лишь в нашей призрачной свободе	Душа не то поет, что море,
Разлад мы с нею сознаем.	И ропщет мыслящий тростник?

Перед нами классическое выражение пережитой романтиками трагедии разлада с природой. Человек с его "призрачной свободой" резко противопоставлен природе. "Мыслящий тростник", то есть человек, ощутил себя одиноко стоящим в мире, исключенным из его великой гармонии. В этом стихотворении мы видим осознание коренной отторженности человека от жизни природы. Тютчев говорит нам о том, что в природе есть свои тайны, ужасы, бездны. Хаос, затаившийся в глубине природы, выдает себя завываниями ночного ветра: "О, страшных песен ты не пой// Про древний хаос про родимый!"

Тютчева-философа влечет к себе непостижимое, и все непостижимое воплощается для него в конечном счете в едином понятии "хаос". Хаос есть и величайшая тайна, и скрытая, "роковая" основа всего сущего. В нем и сознание, и подсознание, и сама человеческая душа, таинственная в своих противоречиях. Хаос – это те бездны, которые постоянно держат человека в своей власти, которые открываются перед ним в ночном безмолвии. Хаос – понятие космическое. Поэт полагает, что в основе всего сущего лежит некая первозданная, темная стихия – хаос. Хаос – воплощение всего непостижимого. Все сущее, видимое – лишь всплеск, временное пробуждение бездны. Ощутить стихийное дыхание "древнего хаоса", почувствовать себя на краю бездны, пережить трагедию одиночества человек может лишь ночью, когда хаос "просыпается": "И бездна нам обнажена// Своими страхами и мглами.// И нет преград меж ней и нами".

Противостояние одинокого и бессильного человека могущественному хаосу бытия, ощущение пограничных состояний между жизнью и смертью проходит через многие произведения поэта. У Тютчева снимается односторонний, романтический акцент с субъективного противостояния человека природе – уже не только он "ропщет" на нее, но и она грозит ему, вызывает чувство смятения, страха, непонимания. Разлад между ними глубже, чем считалось раньше; не один человек виновен в нем, такова судьба мироздания, столкнувшая в упор два хаоса: поднимающийся со дна души и рождающий бури в природе.

Поэт делает и следующий шаг в своем трагическом мировидении: он призывает человека воссоединиться с этим хаосом природы, броситься в объятия той "всепоглощающей бездны", которая глуха к его стенаниям, совершить подвиг самопожертвования перед лицом природы – дабы причаститься ее "божески-всемирной жизни" ("Весна", "От жизни той, что бушевала здесь..."). Если это путь гармонии, то гармонии уже не безмятежной, несущей внутри себя семя трагедии. Ведь чтобы соединить свою жизнь с природой, подчиниться ее велениям, человек должен отрешиться от своей "особости", которая есть лишь "игра жизни частной", осознать себя "бесполезной "грезой природы", переступить через свое "я". Забвение человеком своего "Я", растворение личности во всемирном – одна из излюбленных тем философской лирики Тютчева. В позднем стихотворении "Так, в жизни есть

мгновенья..." он снова напоминает о возможности слияния человеческого "я" с природой, воспекает своеобразную "нирвану" души.

Для него не одно слияние человеческой души с природой, но и всякое их истинное общение есть "благодать" и успокоение. В природе для него заключен источник некоего катарсиса, ибо в природе очень часто повторяется то, что человеку кажется его исключительной, неповторимой трагедией, но повторяется на высшем уровне, как космически-всеобщее (например, в стихотворении "Смотри как на речном просторе...").

Почти все стихи философичны, более того, подобно философским стихам Любомудров, Тютчевские стихи, рассмотренные как целое, заключают в себе относительно законченную концепцию – это в первую очередь пантеистическая концепция мира. Сильнее всего это заметно в стихах о природе. "В сознание читателя, – отмечает К. Пигарев, – Тютчев вошел, прежде всего, как певец природы. Такое представление о нем оправдано тем, что он был первым и в своем роде единственным русским поэтом, в творчестве которого образы природы заняли исключительное место... у одного Тютчева философское восприятие природы составляло в такой сильнейшей степени самую основу видения мира" (Маймин, 1976).

Поэт признавал в природе только одну подлинную индивидуальность: самую природу, природу как универсум, природу в ее космических проявлениях: в грозу, в ночи, в буре, в весеннем наплыве и цветении, в грозных порывах ветра, при ярком свете солнца или – еще чаще – при лунном сиянии. Тютчева интересуют в природе не предметы в частности, а ее стихии и ее тайны, он любит природу в ее самом возвышенном и загадочном лике. Например, в стихотворении "Снежные горы" картина хорошо знакомого, привычного, залитого солнцем мира постепенно – и особенно в последнем, завершающем четверостишии, – приобретает высокий, загадочный и философский смысл:

...И между тем как полусонный	Горя как божества родные,
Наш дольный мир, лишенный сил,	Над издыхающей землей
Проникнут негой благовонной,	Играют выси ледяные
Во мгле полуденной почил, –	С лазурью неба огневой.

Заключительный образ стихотворения полон сумрачного величия: высоко, и мрачно, и таинственно это роковое тяготение и столкновение полярного, эта "игра" над "издыхающей землей" ледяных высей и огневого неба. Природа в поэзии Тютчева характеризуется не только своей жизненностью, но и тем, что она возвышенна, что она исполнена высшего, философского интереса и значения.

Противоречивы чувства поэта к природе. В минуты оптимистических просветлений он пытается найти в ней полную гармонию, источник загадочной красоты и целесообразности.

Не то, что мните вы, природа:	В ней есть душа, в ней есть свобода,
Не слепок, не бездушный лик –	В ней есть любовь, в ней есть язык.

Но не каждому дано постичь разум природы, она не откроется равнодушному:

Лучи к ним в душу не сходили,	При них леса не говорили
Весна в груди их не цвела,	И ночь в звездах нема была!

И все же, какой бы стороной ни обернулась природа разумному человеческому взору – великим хаосом или гармонией, человек ничто перед ее тайнами (или бестайственной сутью): "Природа – сфинкс", – восклицает поэт.

Решая вопрос о взаимоотношении человека и природы, поэт приходит к выводу о бренности человеческой жизни и вообще человеческой истории. От древней жизни до нас дошли два-три кургана да несколько могучих дубов, бывших свидетелями исторических событий. "Природа знать не знает о былом". Поочередно приветствует она своих детей, которые потом бесследно исчезают. Природа равнодушна и к подвигам, и к мирской суете.

Часто в одном стихотворении присутствуют оба начала, хаотическое и гармоническое: сливается светлая тональность с мрачной. Часто одно явление переходит в другое. Так, например, в стихотворении "Как хорошо ты, о море ночное...".

Чувствуя свое бессилие перед природой, Тютчев подчеркивает трагическое осознание одиночества, оторванности от мира. Эти мысли выражены и в стихотворении "Душа моя – Элизиум теней...". Поэт диалектически воспринимает действительность: он приемлет все проявления жизни, воспекает ее радости, восторгается величием и красотой природы и одновременно отрицает возможность познания мира, говорит о недоступности красоты мироздания человеку. Безысходность и тревогу рождает в его душе мысль о таинстве природы.

Таким образом, можно сделать вывод, что для Тютчева природа – вечное по сравнению с человеческим миром, однако и она лишь видимый всплеск хаотической бездны. Отсюда понятно, что неизбежная катастрофичность бытия заложена в самой основе мироздания. Природа сотворена Богом раз и навсегда, и люди не в силах создать другую, подобную ей. Но в то же время идеал поэта – гармоничное слияние человека и природы ("Все во мне, и я во всем..."). Эта мысль о самозабвении, о слиянии человека с миром природы проходит через всю его космогоническую систему. Природа и человек, по убеждению поэта, состоят из двух частей. Одна часть – одухотворенная, одушевленная, разумная и гармоничная, "дневная". Другая – "бездна", дикая, неуправляемая, стихийная, "ночная". В природе она проявляется как хаос, бури, катаклизмы. В человеке это страсти, приводящие к катастрофе. И хотя из этого и из других стихотворений ясно, что природа у Тютчева подчиняется тем же законам, что и созидательная деятельность человека, хотя они родственны между собой, хотя мир природы также подвержен гибели, ибо в глубине его, как и всего бытия, скрыт хаос, темная первозданная стихия, все же природа в целом противоположна человеческой жизни. Тютчев-философ постоянно и пристально всматривается в природу, вглядывается в ее загадочные лики, прислушивается к ее загадочным и вещим голосам – и пытается ее, страстно вопрошает, доискиваясь не столько до ее собственных, сколько до человеческих, душевных тайн. Он – тайновидец природы, поэт ее роковых, мучительных состояний, перед которыми цепенеет рассудок и оживает в самом человеке "дикое, неразгаданное, ночное". Благодаря Тютчеву в русской поэзии закрепились и обрели философскую значимость образы гроз, зарниц ("демоны глухонемые"), ночного ветра, наконец, самой ночи – разнообразные свидетельства демонической, сокровенной жизни природы. Многие стихотворения, посвященные теме дня и ночи, раскрывают трагическую диалектику "дня" и "ночи" в природе и человеческой душе. Его природа – не столько пейзаж, сколько космос, в ней живут и действуют не конкретные лица (лирический герой, возлюбленная, ямщик и т.п., как у Пушкина, Вяземского), но сверхличные силы и закономерности, которые и выступают как предмет философского и поэтического размышления. "Светлость" осенних вечеров и "певучесть" морских волн, "огневая лазурь" неба и "вещая дремота" леса – это чистые проявления природы как таковой, выделенные из конкретности пейзажа и возведенные в ранг вечных сущностей, представшие не только взору, но и философской мысли.

3. Человек и природа в поэзии второй половины XIX века

Для поэзии Фета полное слияние человека с природой возможно лишь в мире сновидений, поэтических грез, потому что реальная жизнь исполнена страданий. Величайшее счастье – "глядеть в лицо природы спящей и понимать всемирный сон". Если у Тютчева человек – "греза природы", то у Фета сама природа – "только сон, только сон мимолетный", призрачный дым, курящийся на "живом алтаре мироздания" ("Измучен жизнью, коварством надежды..."). И потому именно ночью, ночным состоянием своей души, человек наиболее полно соединяется с природой, тонет в ее звездной глубине, сливается с дрожащим хором светил:

Земля, как смутный сон немая,	Один в лицо увидел ночь.
Безвестно уносила прочь,	Я ль несся к бездне полуночной
И я, как первый житель рая,	Иль сонмы звезд ко мне неслись?

У Фета немного стихов собственно философского содержания – большинство их, в поздний период, навеяно чтением Шопенгауэра, который оказался на удивление близок лирической натуре поэта, прежде всего тем, что высоко ставил бессознательные, "сновидческие" прозрения в жизнь мироздания. Фетовский космос вбирает человека, позволяет раствориться в себе, но не потому, что природа разумна, стройна и упорядочена, как у поэтов-пантеистов, а потому, что в ней есть та красота-греза, которая заставляет забыть о причиняемых ею же, природою, страданиях, болезнях, смертях и погрузиться в созерцание ее творческого великолепия. Природа представляется поэту неразрывно связанной с человеком, в ней он видит высшую мудрость:

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений.
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо сулило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

Фет, как и Тютчев, весь обращен к природе. Но для Тютчева природа – загадка. Через природные образы он пробивается к ее сущности, к законам мироздания, которые сосредоточены в явлениях природы. Для того, чтобы постичь эти законы, он рассекает природу на видимость и тайну, на покров и бездну, на день и ночь, на явное и скрытое. Сущность природы для поэта в том, что недоступно, что лежит за поверхностью явления, в заповедной темноте, на которую набросил яркие краски светлый

день. День не таинственен, таинственно то, что он скрывает. День – покров тайны, но не сама тайна. Для Фета все иначе. Тайна заключена в зримой поверхности, которая в любое время всегда обворожительна. Нет тайны за пределами дня и ночи. Они и есть сущность природы. Именно видимость, непосредственно представшая нашим глазам, нашему слуху, чувствам и есть тайна природы, ее сущность, ее глубина. И нет ничего, что они скрывают. Поэтому ночь – не освобожденный от покрова дня хаос, а гармония мира, освещенная звездами, обнажающими светлый строй мироздания. Природа у Фета всегда сияет, радуется. В ней, даже когда идет снег, все полно жизни: "Ночь светла, мороз сияет, // Выходи – снежок хрустит".

Человек предельно слит с природой, он неотделим от нее и образует с ней нерасторжимое единство. Он растворен в природе. Человек в слитом восторге с природой пронзительно, до охватывающего его содрогания переживает восхищение от красоты, величия, полноты и жизненности мироздания.

Природа у Фета – это состояние воздуха и состояние души. Человеку передается жизнь природы, и его сердце отзывается на тонкие изменения в ней трепетом, радостью и восторгом. Так человек и природа сливаются в одно целое. Однако человек в его лирике сливается не только с окружающей его природой, но и с мирозданием, с космосом. При этом космос пронизывает человека, а человек становится его частью. Поэтому в его стихах часто наблюдается переход от картин природы к космическим картинам, в состав которых включена и Земля с ее живым дыханием. В стихотворении "Заря прощается с землею..." приход ночи совмещается с романтической мыслью о "жизни двойной", которую равно чувствуют и деревья, погружающиеся во мглу, и человек, созерцающий их:

Как будто чуя жизнь двойную	И землю чувствуют родную
И ей оваяны вполне, –	И в небо просятся оне.

В лирике Фета человек устремлен к изначальной гармонии и красоте, к единству с мировым целым.

В стихотворении "Измучен жизнью, коварством надежды..." поэт описывает открывшуюся ему в прозрении суть мироздания:

И так прозрачна огней бесконечность,	И неподвижно на огненных розах
И так доступна вся бездна эфира,	Живой алтарь мирозданья курится
Что прямо смотрю я из времени в вечность	В его дыму, как творческих грез,
И пламя твое узнаю, солнце мира.	Вся вечность дрожит и вся вечность снится.

Таким образом, природа и человек у него – взаимосвязаны, человек отзывается на изменения в ней, сливается с мирозданием и космосом. Наряду с Тютчевым, Фет – самый "природный" из русских поэтов XIX в., но несколько иного характера. У первого природа впервые предстала как загадка, мучительный вопрос для души. Фет находит в природе, в ее обворожительной непосредственности единственное разрешение всех вопросов. Тютчев напряженно расслаивает поверхность и глубину, покров и бездну, видимость и тайну, день и ночь, вопрошая о темных основаниях, о сокрытом и недоступном. Для Фета зримая поверхность природы и есть ее подлинная сущность и глубина, ее *светлая тайна* (ср. стихотворение Тютчева "Иным достался от природы..."). Фет – тоже певец ночи, но не темного хаоса, противостоящего дню, а изнутри осветленной, гармоничной ночи, дрожащей мириадами огней, обнажающей светлый строй мироздания. Природа у него – не "пейзаж" в узком значении этого слова, не внешний фон, на котором разворачивается лирический сюжет; но это и не тютчевский "космос", мир круговращающихся стихий, живущий по своим, особым, безразличным к человеку законам. Природа у Фета – это скорее *атмосфера*, разлитая и внутри и вовне человеческой жизни.

К концу XIX в. поэтическая философия природы пришла к таким итогам: природа божественна и прекрасна, исполнена мысли и любви, но есть в ней какое-то равнодушное и грозное начало, на которое, в свою очередь, отвечает человек своим вечным ропотом. Есть в человеке "безумье", нарушающее природный строй, но есть безумье и слепость в самой природе, враждебные человеческому разуму.

Одним из лириков конца XIX в., пытавшихся разрешить это противоречие, был философ и поэт Вл. Соловьев. "Темного хаоса светлая дочь" – так называет Соловьев озеро Сайму, и это общий принцип его отношения к природе: она есть путь от хаоса к гармонии, многотрудный, жестокий и победительный.

Свет из тьмы. Над черной глыбой	Если б в сумрачное лоно
Вознестися не могли бы	Не впивался погруженный
Лики роз твоих,	Темный корень их.

Не случайно именно Соловьев (1994) в статье о Тютчеве охарактеризовал основу его поэзии как чувство страха в основах мироздания. Сам мыслитель глубоко переживал этот хаос, но считал его растущим навстречу гармонии, подобно тому, как розы, погруженные корнями во мрак земли, возносят навстречу небу свои солнечные лики. Вселенная в его поэтическом мире понимается как "творимая легенда" – творимая совместными усилиями Софии (Мировой Души) и человека, ее возлюбленного. Философ мыслит и объясняет Вселенную поэтическими образами. Философия и поэзия представляются лишь двумя сторонами одного и того же процесса познания мира.

Философская лирика природы Вл. Соловьева резко вычленяет антитезы: свет и мрак, солнце и мгла, звезды и земля, явное и тайное, вечное и переменчивое – и ищет пути их разрешения (озеро Сайма – "темного хаоса светлая дочь", розы – "свет из тьмы"). Ему особенно дорого женственное начало в природе, воплощаемое образом земли, ее темного, жизнепорождающего лона: "Земля-владычица! К тебе чело склонил я..." (1886), "Мы сошлись с тобой недаром..." (1892), "Нильская дельта" (1898).

Образы света и мрака, характерные для поэзии последних десятилетий XIX в., лишаются у Соловьева аллегорической однозначности (борьба добра и зла, прогресса и реакции), приобретают многосложный метафизический смысл ("О, как в тебе лазури чистой много...", 1881; "Бедный друг, истомил тебя путь...", 1887; "Пусть тучи темные грозящую толпою...", 1891; "Милый друг, не верю я нисколько...", 1892), а также философское осмысление мироздания как "пути от хаоса к гармонии". Для Вл. Соловьева "Смерть и Время царят на земле".

Противопоставления неба и земли и мотив жизни как сна восходят к романтическому мировидению, которое получит новое развитие в поэзии символизма: "Один лишь сон – и снова окрыленный// Ты мчишься вывь от суетных тревог". Земная жизнь лишь "тяжкое пробуждение", в котором "Ты будешь ждать с томительной тоской// Вновь отблеска нездешнего виденья, // Вновь отзвука гармонии святой".

На рубеже XX в. начинается новый этап в поэтической философии природы. Показательны стихотворения В. Брюсова 1896 года – природа в них выступает как что-то жалкое, недостойное человека, его мечты: "Создал я в тайных мечтах// Мир идеальной природы..."

Впервые в русской поэзии природа оказывается ничтожнее и слабее человека – он смотрит на нее свысока, упиваясь могуществом своего интеллекта, величием своего идеала.

В ранних стихах В. Брюсов провозгласил превосходство цивилизации над природой – и в самой природе отдал предпочтение жестким, строго очерченным формам: "Люблю дома, не скалы, // Ах, книги краше роз!"

Брюсов довольно быстро почувствовал ограниченность своих первых поэтических шагов. "Нет! не читай этих вымыслов диких", – обращается он к читательнице своей первой книги. Потом повторяет: "Мои прозренья были дики". В "Me eum esse" у него возникает тема одиночества, горькое отсутствие контакта с окружающими его людьми и миром. Хотя он по-прежнему провозглашает: "Я не знаю других обязательств, // Кроме девственной веры в себя...", но все чаще начинает говорить о невозможности человеческой духовной близости из-за характера жизненных условий. "В безжизненном мире живу", – замечает он в одном из стихотворений. Эта тема безжизненного мира начинает развиваться все полнее и полнее. Его лирический герой – все чаще прохожий, одинокий путник, никому и ничему не нужный человек. "Бреду в молчаньи одиноком" – одно из самых характерных настроений героя Брюсова в "Me eum esse". Слова "бродить", "брести" становятся одними из самых любимых: "И снова бредешь ты в толпе неизменной...", "Тихо бреду я, печальной...", "Меж людей, как в тумане, брожу..." и т.д.

Эта горестная нота одиночества, бродяжничества, бесприютности в этом огромном мире иногда приобретает очертания жуткие:

Мне снилось: мертвенно-бессильный,	И бывший друг пришел к кровати
Почти жилец земли могильной,	И, бормоча слова проклятий,
Я глухо близился к концу.	Меня ударил по лицу.

Нет ничего в мире, что может поддержать человека, примирить его с жизнью, даже друг на пороге могилы оказывается врагом. Кругом враги.

В "Третьей страже" Брюсов продолжает и развивает тему, основы которой были заложены в ранних сборниках. Он писал И. Бунину: "...мы мало наблюдаем город, мы в нем только живем и почему-то называем природой только дорожки в саду, словно не природа камни тротуаров, узкие дали улиц и светлое небо с очертаниями крыш. Когда-нибудь город будет таким, как я мечтаю, в дни отдаленные, в дни жизни, преисполненные восторга. Тогда найдут и узнают красоту телеграфных проволок, стройных стен и железных решеток" (Брюсов, 1980).

Брюсов в эти годы немало строк посвящает городской жизни, городскому пейзажу. Дом у него – это именно городская квартира, куда доносится уличный шум, звонки трамваев, гудки автомобилей и т.п.

("Когда опускается штора..."). Он любуется городом, прямо говорит: "Я люблю большие дома// Узкие улицы города..."

Но это не заглушает для него режущих диссонансов, не закрывает давящей, античеловеческой сути жизненных отношений, жизненного неустройства. Доминирующее ощущение – одиночество, мертвенность обстановки. Город подчиняет себе человека, делает его беззащитным и слабым. В брюсовских стихах варьируются строки: "В ущельи безжизненных зданий...", "Среди неподвижных зданий". Мертвыми он называют дома, мертво-бесстрастными – улицы. Ощущение мертвящей враждебности диктует ему жестокие признания: "В городе я – как в могиле... Каждая комната – гроб!" Его начинает преследовать видение мертвого города, конца света, не то чтобы бренности, а обреченности жизни. Современный мир представляется незавершенным зданием, где по шатким строительным лесам двигаются растерянные, не ведающие смысла этого блуждания люди ("В неконченном здании"). Строительные леса качаются, дрожат, они вот-вот рухнут.

В его воображении возникает "близ яркой звезды умирающий мир". И хотя здесь он говорит о мире, находящемся где-то в просторах Вселенной, речь идет, разумеется, о земной цивилизации. Он рисует безжизненные, брошенные обитателями города ("В дни запустений"). Лишь одинокий смельчак рискует вернуться сюда, чтобы познать былое. Даже путник, проходящий осенью мимо заколоченных дач, представляется ему гостем из далеких столетий: "Так в сон столицы опустелой// Войдет неведомый пришелец".

"Унылый и усталый" мир близится к концу; возможно, стоит на роковой черте, за которой – опустошенность. Духовная приниженность человека, его рабская покорность веками установленным порядкам или взрыв стихийных сил протеста губящих все живое установлений – такова суть поэмы "Замкнутые". Брюсов убежден:

И все, что нас гнетет, снесет и светит время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

Для Брюсова идеальная природа может существовать только в его мечтах. Реальный же мир для поэта безжизнен, сер: "Мир так ничтожен и редко// Виден нам весь небосклон".

Человек отделился от своих истоков, природы, теперь им трудно понять друг друга. Они разговаривают на разных языках, и в этом их трагедия:

Кругом сверканье, говор и движенье,
Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.

Таким образом, Брюсов ощущает "безжизненность мира", крах современной цивилизации.

В то же время существует и другой взгляд на мироздание. Для К. Бальмонта природа – не столько пейзаж в его конкретной наглядности, сколько мир стихий, отвлеченных от места и времени, пребывающих в абсолютной чистоте и вечности. Он ввел в русскую поэзию жанр натурфилософского гимна, воспевающего всевластность стихии, многообразие ее проявлений ("Гимн Солнцу", "Воззвание к океану", "Вопль к ветру"). Так в "Гимне Огню" (1900) воспеваются огонь в свече и пожаре, в искре, в комете. Не явления природы, а ее изначальные и неизменные свойства вдохновляют Бальмонта: не дерево или деревья, а "древесность", воплощенная в мифопоэтическом образе мирового древа, ответвлениями которого служат все известные породы деревьев ("Славянское Древо"); не ветер над лугом или ночной осенний ветер, а ветер вообще, как таковой, "ветряность", во всех ее неистощимых веяниях и дуновениях ("Ветер"); не ручей или море, а вода, дрожащая и в капле росы, и в океане: "Вода бесконечные блики вмещает// В безмерность своей глубины".

Бальмонт, как и Фет, ощущает единство с природой, сливается с ней:

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.

В отличие от Брюсова, Бальмонта не вдохновляет городская жизнь. Его душа рвется к природе, тишине леса:

Мне ненавистен гул гигантских городов,
Противно мне толпы движенье,
Мой дух живет среди лесов,

Где в тишине уединенья
Внемлю я музыке незримых голосов.

Для Бальмонта мир – загадка, тайна, полная контрастов и неуловимой красоты: "Как мир хорош в своей красе неожиданной, // Контрастов мир, с улыбкой неземной, // Загадочный под дымякою туманной".

Диалектически воспринимая действительность, Брюсов приемлет мир со всеми его противоречиями, даже в страданиях и скорбях он видит красоту: "Есть красота в постоянстве страдания // И в неизмеренности скорбной мечты, // Знойного яркого солнца сияние...". Далее философское осмысление картины мира изменяется: "Везде нас ждет печаль. Мрачна юдоль земная".

Слияние человека и природы возможно, так как человек есть часть природы, по Брюсову. Он так же чувствует и страдает, как и она:

Отчего так ветру скучно?
Плачет, ноет он докучно, –
И в ответ ему стозвучно
Капли бьются и бегут;
Я внемлю, мне так же скучно....

Таким образом, изначальные неизменные свойства мира вызывают восхищение автора, а человек лишь часть этого мира.

4. Заключение

Картина мира, представленная в философской поэзии второй половины XIX в., поражает своей неоднозначностью. Это и ощущение хаоса, господства ночной стихии, одиночества и бессилия человека, переданные Ф.И. Тютчевым. С не меньшей силой философская поэзия воплотила истинный смысл природы, человеческой слитности с ней, потаенный смысл природных стихий, ощущение единства человеческого существования и космической беспредельности, которые ощущаются в лирике А.А. Фета. Это и понимание равнодушного и грозного начала в природе, на которое ропщет человек и которое является началом движения к гармонии как в поэзии Вл. Соловьева. А также принижение мира природы, которая оказывается слабее человека (Брюсов), невозможности духовной человеческой жизни из-за характера жизненных условий. Это и воспевание всевластности стихии, многообразия ее проявлений, поэтическое восприятие красоты противоречий окружающего мира, ощущение трагичности человеческой жизни в слиянии с природой.

Философская поэзия не дает окончательных решений и формул. Как ни одна другая разновидность поэтического творчества, философская поэзия рассчитана на восприятие читателя, прямой контакт с ним. В то же время, безусловно, существует дистанция между философией и философской поэзией. Философская поэзия воплотила совершенно особое восприятие мира, не укладывающееся в тесные рамки строгого логического познания. Интуитивно, силой художественного отображения и предчувствия она, преодолевая видимость явлений, их внешнее обличье, проникала в глубь процессов, совершающихся во Вселенной.

Литература

Гошевский В.О., Закондырин Е.В. Русская философская мысль: Очерк истории. Мурманск, 368 с., 1997.

Брюсов В.Я. Избранные сочинения. М., Художественная литература, 584 с., 1980.

Захаркин А.Ф. Русские поэты II половины XIX века. М., Просвещение, 356 с., 1975.

Сологуб Ф. Стихотворения. Л., Советский писатель. Ленинградское отделение, 679 с., 1978.

Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., Наука, 188 с., 1976.

Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. М., 427 с., 1994.

Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной... М., Высшая школа, 303 с., 1990.